

ДЪДЪ И ВНУКЪ.

ДѢДЪ И ВНУКЪ.

Надъ бѣлою скатертью обѣденнаго стола горѣла
пестнацатипяти свѣча. Сидѣли за сто-
ломъ какъ всегда двое, дѣдъ и внукъ, инженеръ Заре-
вой въ сѣрой гужуркѣ и гимназистъ Дима въ домашней
красной и легкой синей курточкѣ, въ веретныхъ пан-
талонахъ съ босыми ногами: онъ воспитывался по-мар-
тански. Разговаривали. Пожелая горячая Христинѣ
ухмыляясь, слушалъ.

— Если бы мнѣ тебя, дѣдушка, не было жалко, я
бы давно ушелъ на войну.— сказалъ Дима.

— Четырнадцатилѣтнихъ не берутъ, — спокойно
возразилъ дѣдушка.— мнѣ шестьдесятъ лѣтъ и меня
въ солдаты не возьмутъ. Такъ-то, другъ, старый да ма-
лый сиди дома. Безъ насъ войнъ въ Россіи много,
сильныхъ, молодыхъ, здоровыхъ.

— Нѣтъ, дѣдушка.— спорилъ Дима.— мнѣ ужъ ско-
ро пятнадцать. На войнѣ такъ есть. Иные мои сверст-
ники отличиться успѣли. Я еще подумаю, подожду, да
и поѣду.

— А тебя вернуть съ дороги—говорилъ дѣдъ.
— А я опять уѣду,—отвѣчалъ Дима.
Заспорили, стали горячиться.
— Я тебя не щучу.
— Да я самъ уѣйгу.
— И думать не смѣй. Чуть что замѣчу, высѣку.
Дима улынулся и заговорилъ спокойно, убаюкивающимъ голосомъ:
— Дѣдушка, я смерти не боюсь, и ранъ не боюсь, такъ развѣ мнѣ отъ тебя будетъ что-нибудь страшно?
— А вотъ высѣку, такъ забоишься—ворчливо сказалъ дѣдъ.
— Дѣдушка, я—спартаецъ,—говорилъ Дима.— Боятся мнѣ нечего. Если бы я чего-нибудь боялся, я бы самъ себя презиралъ. Ты на меня не сердись милый дѣдушка, но я тебѣ прямо скажу, что меня дома не страхъ держитъ.
— А что же?—спросилъ дѣдъ.
— Да такъ—все думаю,—отвѣчалъ Дима.— Буду ули полевенъ? Не буду ли только помѣхой? Посмотрю на себя въ зеркало,—ростомъ малъ, съ лица мальчишка. Патроны подавать? Нѣтъ, лучше развѣдчикомъ быть, бойскоутомъ. Если бы я въ тѣхъ мѣстахъ выросъ, давно бы я въ дѣлѣ былъ. А въ незнакомой мѣстности... Да вѣтъ, дѣдушка, ужъ ты не сердись, если я въ одно прекрасное утро исчезну.
Дѣдъ нахмурился, и сердито сказалъ:
— Да и ты, другъ, не сердись, когда тебѣ отъ меня за эти разговоры достанется.
Такъ часто перекорялись дѣдъ со внукомъ. Рѣдкій день не было такого ссора. Иногда кончались эти споры мирно, иногда большими неприятностями.
Дима остался круглымъ сиротой по пятому году, и

выросъ у дѣда. Былъ онъ мальчикъ разсудительный, спокойный, сильный, здоровый. Жажда приключеній не томилъ его, можетъ быть, потому, что дѣдъ мало стѣнялъ его, и лѣтомъ Дима жилъ вольною птицею.

Когда Дима оставался дома одинъ, онъ доставалъ припрятанный имъ съ осени отцовскій мундиръ пѣхотнаго штабсъ-капитана, и надѣвалъ его на себя. Великовать! Стоя передъ зеркаломъ, Дима самъ себя казался слишкомъ малымъ и забавнымъ въ этомъ большомъ для него одѣянии. Ему казалось тогда, что въ солдатскомъ мундирѣ онъ будетъ похожъ на оловяннаго солдатика, и надъ нимъ будутъ смѣяться. Да и не дадутъ ему солдатскаго мундира, — такого роста: равнѣ бываютъ солдаты? Если бы хоть на полвершка быть повыше!

Иногда Дима плакалъ отъ досады, иногда утѣшаль себя воображеніями, что отецъ былъ высокій и что онъ самъ, Дима, скоро подрастетъ.

А дѣдъ, уйдя къ себѣ въ кабинетъ и приворотивши плотнояе двери, пробовалъ заняться гимнастикой, — дѣлалъ присѣданія, сгибаніе и вытягиваніе рукъ, нагибаніе туловища впередъ, назадъ и въ стороны. Бралъ отгулъ, и съ шимъ сгибалъ и вытягивалъ руки. Та же мечта была у него, какъ и у внука, — пойти на войну, — и надежда: вотъ отъ гимнастики прибавится сила, помолодѣетъ, потеплѣетъ кровь. Но скоро убѣждался, что сила ужъ не та, какъ въ молодости, и не прибавляется, скорѣе убываетъ, — скоро уставалъ, руки и ноги дрожали, сердце билось, хотѣлось полежать. Онъ думалъ съ досадою:

«Да и я не гожеусъ въ воины».

Кончался годъ, дни стали понемногу прибывать. Дима пересталъ спорить съ дѣдомъ. Онъ окончательно рѣшилъ, что седьмого января уйдетъ изъ дому, какъ-будто

въ лѣсу, а самъ проберется въ воинскій поѣздъ, и отправится на войну.

Когда люди долго живутъ вмѣстѣ и очень дружны, у нихъ иногда совпадаютъ даже волевыя темповъ. И у дѣда явилась мысль послѣ праздникоу проситься, чтобы его хоть ратникомъ зачислили. Въ войскахъ онъ никогда не служилъ, но былъ рынымъ охотникомъ, и стрѣлялъ хорошо. Чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, и день намѣтили онъ тотъ же, что и вѣкъ намѣтилъ: седьмое января. А пока сталъ прискивать, кого бы пригласить въ домъ для Димы. Иногда думалъ, что лучше Диму отдать куда-нибудь.

Встрѣтили Новый Годъ дѣдъ и вѣкъ вдвоемъ, какъ всегда. Пожелали другъ другу исполненя желанй, и оба почему-то смутились при этомъ. А ночью оба видѣли почти одинаковый сонъ.

Снилось Димѣ великое полчище охотниковъ-отроковъ въ синихъ одеждахъ, такихъ же, какъ домашня Димина. У каждаго за спиноу на перевязи висѣло охотничье ружье. Они шли изъ города, утопущаго въ садахъ, по широкой дорогѣ, обсаженной липами и березами, веселыми деревьями. Мальчишки были веселы, шли быстро и бодро. Они пѣли пѣсню, мелодя которой радовала и волновала. Изъ этой пѣсни запомнится Димѣ припѣвъ:

«Убивайте только звѣря!»

Дима стоялъ одинъ на краю дороги, и дивился на проходившихъ мальчигоу.

— Иди съ нами!—сказалъ одинъ изъ мальчигоу Димѣ, когда замолкъ припѣвъ пѣсни.

— А куда вы идете?—спросилъ Дима.

— Мы идемъ въ лѣса убивать вредныхъ звѣрей!—отвѣчалъ мальчишъ.

— Нѣтъ,—сказала Дима—мнѣ съ вами не по дороге. Я иду на войну.

Засмѣялись мальчики.

— О чемъ вы смѣетесь?—дивясь, спросила Дима.

Мальчики разговаривавши съ нею, сказали:

— Развѣ ты не знаешь, что окончилась послѣдняя война? Берлина нѣтъ войны больше не будетъ и наши ружья только для дикаго звѣря.

— Да, да!—закричали другіе мальчики,—войны больше не будетъ.

— Берлина нѣтъ!

— Это была послѣдняя война.

— Послѣднее кровавое Рождество.

— Наши отцы и братья умирали не даромъ.

— Они побѣдили войну!

— Войны больше не будетъ!

Громко и радостно звучали ихъ голоса, какъ перезвонъ колоколовъ большого праздника.

Дима проснулся. Вскочилъ съ постели, и бросился бѣжать къ дѣду, крича:

— Дѣдушка, это—послѣдняя война.

Дѣду снялся бѣлый приемный залъ. Окна открыты съ улицы доносится гулъ многихъ голосовъ. Высокій сѣдой генераль идетъ навстрѣчу дѣду. Дѣдъ говоритъ:

— Возьмите меня хоть въ ратники, хоть провіантскіе магазины сторожить. Вѣдь вали же во Франци Анатоль Франса, а я на десять лѣтъ моложе.

Генераль улыбается и отвѣчаетъ:

— Я знаю, вы—отличный охотникъ и стрѣлокъ. И вѣтъ вашъ отличился на пробной стрѣльбѣ. Онъ въ нашемъ городѣ по мѣткости оказался первымъ.

Дѣдъ и радъ и гордъ. Но ему страшно за внука и онъ говоритъ:

— Димѣ еще рано, меня возьмите.

Генераль говоритъ:

— Да, вы будете начальникомъ конныхъ охотниковъ нашего города. Надо истребить послѣднихъ волковъ и медвѣдей.

— Я хочу на войну.—говоритъ дѣдъ.

Генераль смѣется и говоритъ:

— Развѣ вы не знаете, что это была послѣдняя война? Берлина вѣтъ, войны не будетъ, наши ружья только для дикаго звѣря.

Въ открытыя окна съ улицы слышны громкіе крики:

— Убивайте только дикаго звѣря!

— Войны больше не будетъ.—кричитъ Дима, тормоша дѣда.—Убивать будемъ только звѣря.

Дѣдъ просыпается. Дима садится на его постели, и рассказываетъ свой сонъ. Дѣду весело. Онъ говоритъ:

— Такъ-то другъ, кровь проливается не даромъ. Великое слово—послѣдняя война! Война противъ войны!

— Великое слово,—повторяетъ Дима.

— Что же, милый другъ, ты долженъ дѣлать?—спрашиваетъ дѣдъ.

Дима думаетъ, краснѣетъ и говоритъ:

— Жить для будущаго.

— А что надо для будущаго?—спрашиваетъ дѣдъ.

Дима отвѣчаетъ:

— Много учиться. Быть сильнымъ и добрымъ.

— А зачѣмъ нужна сила и доброта?—спрашиваетъ дѣдъ.

Дима отвѣчаетъ:

— Убивать только дикаго звѣря. Уничтожать всякое зло.

Дѣдъ говоритъ:

— Это уничтожать не мы съ тобой начали. И о прошлом помнить надо.

— Знаю, дѣда,—говоритъ Дима.—Я знаю, что долженъ чтить подвиги доблестныхъ воиновъ, побѣждающихъ войну. И быть поскромнѣе,—не соваться съ моими слабыми силками на великій подвигъ. А если эта война будетъ длиться долго, придетъ и моя очередь. Позовутъ пойду. А тайкомъ отъ тебя не сбѣгу.

— Спасибо, другъ, утѣшилъ,—говоритъ дѣдъ.

Хочетъ поцѣловать Диму, но Дима быстро соскакиваетъ съ его кровати, и становится на колѣни.

— Постоить дѣдушка,—говоритъ онъ,—хвалить меня погодить, а наказать есть за что: вѣдь я уже совсѣмъ надумалъ седьмого января сбѣжать на войну.

Дѣдъ смѣется. Говоритъ:

— Старый да малый другъ на друга похожи. Вѣдь и у меня, другъ, такая же мысль была. Думалъ: Димку въ пансіонъ, а самъ въ ратники.

— А теперь раздумать?—спрашиваетъ Дима.

— Раздумать—говоритъ дѣдъ.

— Ну, и я раздумалъ.

И оба рады. Хорошимъ сномъ встрѣтили ихъ Новый Годъ, — тотъ годъ, который обѣщаль смертью смерть пограть.